

Один из «сороковых, пороховых»: Вячеслав Петрович Зайцев

Редакция «Литературного Азербайджана» предложила мне поделиться воспоминаниями о Вячеславе Петровиче Зайцеве, с которым мне довелось сотрудничать много лет. Внешне это выглядело как ежедневные встречи на третьем этаже здания Союза писателей Азербайджана; позднее редакция перебралась к Баксовету, на тогдашнюю Коммунистическую улицу (теперь улица «Истиглалият»). Мы дождались окончания ремонта и вернулись «домой», на улицу Хагани, 25.

Я поступил на работу в «Л.А.» в шестидесятые годы, окончив филфак в Азгосуниверситете и Литинститут имени Горького в Москве. А Вячеслав Петрович имел позади биографию фронтовика, несколько лет работал в «Бакинском рабочем» – выдающейся печатной трибуне республики в те годы. На поколение фронтовиков я, молодой городской юноша, «не нюхавший пороха», всегда смотрел снизу вверх, с почтением.

Были в редакции и другие фронтовики: Иван Поликарпович Третьяков, Иосиф Борисович Оратовский. И.П. Третьяков писал прозу и выдвинулся в ряды всесоюзно известных военных писателей; Иосиф Борисович издал при жизни всего одну книжку в Москве, где признавался со скромным достоинством воина-солдата: «Воинская часть, где

я служил, не брала больших городов». Вячеслав Петрович Зайцев не успел добраться до московской трибуны, обеспечивавшей огромный тираж и миллионы читателей.

Тогда мы были Советским Союзом, и пишущих стихи на русском языке было множество; в военной лирике появлялись образцы, ставшие хрестоматийными шедеврами: К. Симонов, А. Твардовский, А. Сурков, М. Исаковский, Д. Самойлов и многие другие мастера слова. После войны в советскую поэзию пришла мощная плеяда «шестидесятников»; у нас, в Азербайджане, в эту когорту талантливейших вошли азербайджанские поэты Фикрет Годжа, Рамиз Ровшан, И. Исмаилзаде и другие; конечно, в этом же ряду мы видели и самобытного и яркого Али Керима.

Воинская часть, где служил В. П. Зайцев, «не брала больших городов» (как писал И. Б. Оратовский). Вячеслав Зайцев не вышел на всесоюзную орбиту, но война прошла через всю его лирику.

Он родился в Москве, в раннем детстве его семья переехала в Баку, потом был фронт, боевые дороги и возвращение в Баку; как оказалось, надолго, на всю жизнь. Зайцев овладел азербайджанским языком и даже в его речи проступала лексика бакинского «чемберекендского» говора. Азербайджан «врался» в его поэзию ритмом нефтяных промыслов, особым колоритом старого Баку с его многонациональной полифонией...

*И сошлись, как борта киржима,
Юг и Север – мои края,
Оттого и нерасторжима
Неделима Отчизна моя...*

Вячеслав Петрович – был открытый человек, с распахнутой по-русски душой; и при всей своей переимчивости к иноязычной среде, он трепетно хранил свою любовь к русским корням, русской духовной почве.

Несколько лет я был причастен к работе отдела поэзии. Времена настали трудные – для всей республики и для нас: распался Союз, вспыхнул конфликт в НКАО; Зайцев страдал нездоровьем, у него произошло прободение желудка; к тому времени журнал уже временно перебрался в здание напротив Баксовета (ремонт!).

Я запомнил Зайцева, сидящего в комнате на 5-м этаже; спрашиваю о самочувствии и получаю однозначный ответ – В.П. не любил «плакаться в жилетку». К тому времени у нас сложились добрые товарищеские отношения (несмотря на разницу в возрасте). Мы, как говорится, съели пуд соли в редакционных «междусобойчиках», я участвовал в них как третье лицо – вторым был незабвенный Мансур Векилов, прекрасный поэт, достойный друг; его дружба с Зайцевым остается поныне для меня легендарным примером душевной привязанности и понимания.

Но я хочу рассказать о случае, характеризующем натуру Зайцева.

Однажды он поздней ночью позвонил мне домой и предложил отправиться вместе на бакинский вокзал. Я отнекивался, ссылаясь на позднее время и неизбежную тревожную реакцию моей уже уснувшей жены. Зайцев настаивал, судя по голосу, он был совершенно трезв. В нем говорила какая-то невнятная тоска. Я бы сказал, тоска купринского героя из повести «Поединок» – Ромашов ходил на вокзал и подолгу смотрел на пассажирские составы, уходящие в большую жизнь. Позже под впечатлением ночного звонка Зайцева я написал стихотворение. Но я упоминаю об этом факте, который говорит об одиночестве Зайцева.

Еще один эпизод из нашего общения. По предложению В.П. Зайцева я редактировал сборник его стихов в бакинском издании. Я «споткнулся» на строфе из стихотворения о пережитой страной войне с гитлеровской Германией.

*О, заплаканные мамы,
О, убитые отцы!
Стёрты каменные шрамы
Нашей старой улицы...*

Эти «улицы» – напрашивалось ударение на «цы», этого требовала рифмовка. Отцы-цы... Я сказал Зайцеву об этом. Он возражал, причем решительно и категорично. Я не стал в позу редактора-буквоеда. В конце концов, строка осталась в версии автора. Теперь я думаю, что, наверное, я был прав, не навязывая Зайцеву своего решения.

Вячеслав Петрович источал тепло и душевную доброту. Он видел войну, смерть и гибель товарищей на поле брани. Фронтовые пути его пересеклись с Зией Бунятовым, Героем Советского Союза. Зия Бунятов иногда заглядывал в нашу редакцию. С Зайцевым он общался на «ты». Это говорило о высоком доверии, которого Зия-муаллим достаивал далеко не каждого человека...